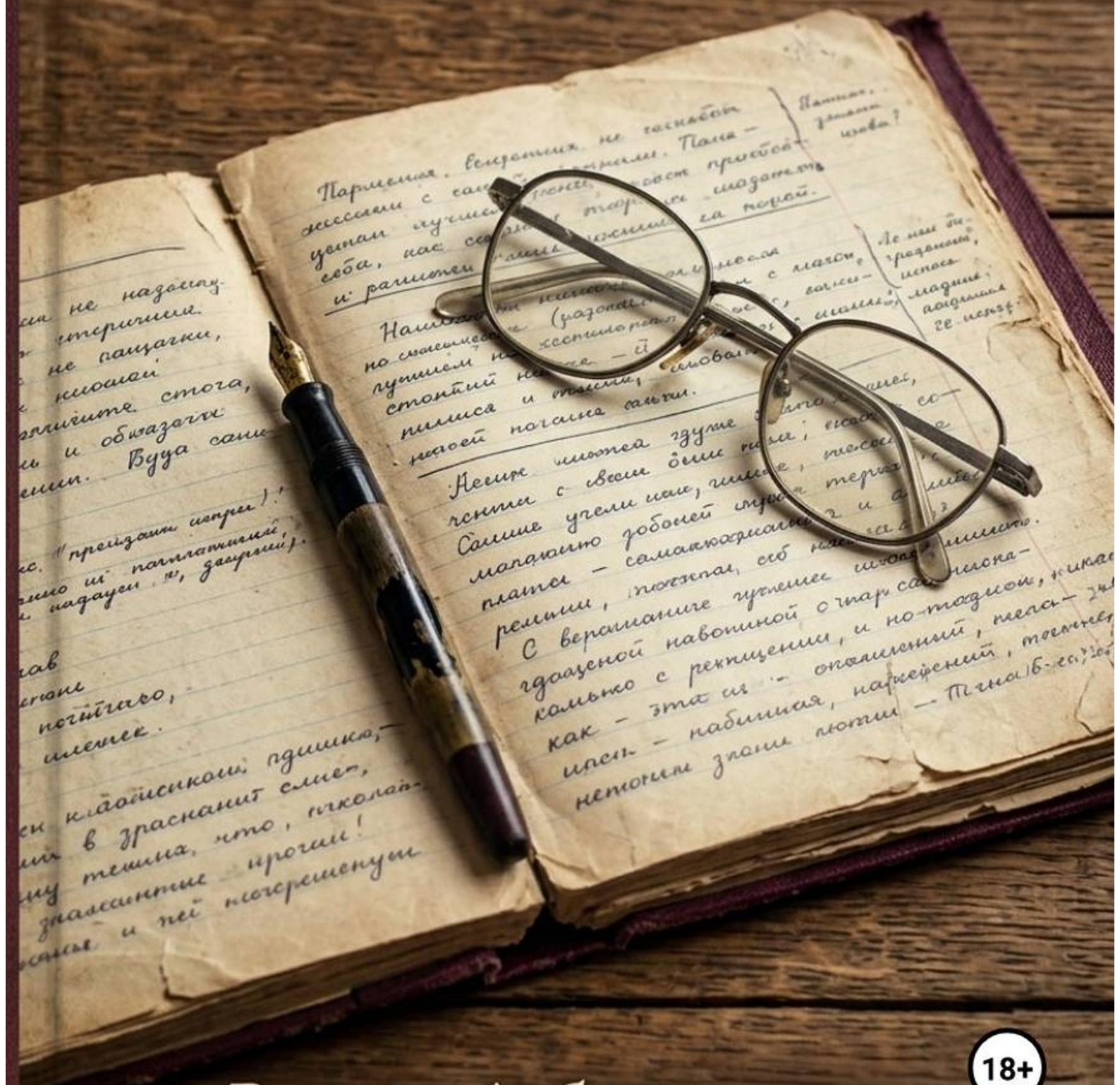
РАССКАЗ

(из одного слова)

18+

Виктор Азбукиведиев

Виктор Азбукиведиев

Рассказ из одного слова

«Автор»
2026

Азбукиведиев В. П.

Рассказ из одного слова / В. П. Азбукиведиев — «Автор», 2026

Иван Феоктистович Перочинников — пожилой патриот, бывший инженер и вечный «писатель в стол». На каждую политическую ложь у него есть только один ответ — одно-единственное слово, которое он записывает в блокноте. Но за этим словом — целая жизнь. В канун встречи выпускников герой погружается в воспоминания. Перед читателем оживают картины юности: студенческое общежитие, духовой оркестр, первая любовь к умной и блистательной Вике. Их дружба, полная нежности, поэзии и горечи расставания, пройдёт через десятилетия и отзовётся трагическими потерями и горькими откровениями. А вокруг шумит неунывающая южнорусская жизнь — с именинами, застольными байками донбасского «Пожарника», частушками и вечными спорами о справедливости. «Рассказ из одного слова» — ироничная, трогательная и по-народному мудрая поэма в прозе о любви и времени, о высоких порывах и земных слабостях, и о единственном слове, способном вместить целую эпоху.

© Азбукиведиев В. П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Рассказ из одного слова 5
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Рассказ из одного слова

Рассказ из одного слова

После читки газет, журналов, просмотра телепрограмм Иван Феоктистович часто что-то записывал. Это были критические заметки, опровержения, очень жёсткие отзывы на заявления недальновидных политиков, на риторику внешних и внутренних врагов России и тому подобное. Были, однако, и мягкие отзывы: на талантливую книгу, фильм, познавательные, спортивные, музыкальные и другие программы. На отдельных листках и в истрёпанных тетрадях, в беглом почерке Ивана Феоктистовича, читались попытки пародий, рассказов и даже романов, но почти вся его писанина находилась в неоконченном виде и нигде не печаталась. Писанина читалась и почиталась в кругу единомышленников — ценителей его творчества. Закончить начатое мешали события, которые следовали не размеренно, как того хотелось бы автору, а лезли одно на другое и сверху и с боков, а на них — новые и новые, ещё и ещё. Беспросветное нагромождение событий, лавинообразно идущих со всех частей света, отвлекало Феоктистовича от недавних и давних записей и рождало желание немедленно записать своё твёрдое мнение о новой экономической или же политической дикости и лжи, только что появившейся в СМИ.

Герои его неоконченных драм, комедий и трагедий с неких пор стали заводить пожилого автора в тупик. Некоторые рьяно начатые произведения, обречённые, как правило, на забвение, в последнее время были всё же закончены, но не так, как были задуманы ранее. Специальная военная операция по защите жителей советского Донбасса от истребления украинскими нацистами заставила истинного патриота переиначить фабулу некоторых произведений. Одну из комедий под названием «Поющая державьё», в которой автор с присущим ему юмором писал о весёлой и богатой выкрутасами сценической и закулисной жизни популярных поющих и танцующих лиц, мелькающих почти круглосуточно на телеэкранах, резонно окончил трагедией.

В «Поющей державьё», начатой лет тому, он с лёгкой иронией описывал венчания поющих мальчиков с поющими бабушками и цирковых девочек с дедушками. Не щадил ни примадонн, ни «примадоннов», ни мелких сошек вроде Галкина, Макаревича и им подобных. Ныне же, когда поющие мальчики вместе с поющими бабушками и девочки с дедушками запели за кордоном преступные русофобские мотивы, автор в последнем акте комедии твёрдой рукой дописал:

— Занавес открыт! На сцене зрителям кланяются молодые выпускники творческих академий — будущие артисты, солисты и прочие! Из зала звучат овации, «браво» и возгласы зрителей: «Удачи, успехов вам...» Некоторые выкрикивают: «Всю беглую артистическую знать и не знать и прочую тщеславную мелюзгу — заочно арестовать, экстрадировать в Россию и судить здесь на сцене, как предателей. Всем по двадцать с конфискацией. И тем, кому за двадцать, и за тридцать, и за сорок, и за... Суду не обращать внимания ни на птичьи фамилии, ни на что другое. ...» Finita la commedia, — выкрикивали зрители в зале.

В рассказе «Честь» московский журналист, который вначале патриотического рассказа был выписан Феоктистовичем истинным патриотом, сегодня оказался в Киеве и оттуда стал изрыгать хулу на нашу матушку-Россию. Автор оригинально заканчивает рассказ, начатый более года назад. В последней короткой главе молодой, с виду стеснительный журналист (главный герой короткой последней главы) посылает прошение, подписанное народом, в Конституционный и Верховный суды с просьбой вернуть смертную казнь через повешение. Суды, само собой разумеется, возвращают, и изрыгавший хулу оборотень, предавший Отечество с корнями и потрохами, на третьи сутки после приговора лихо дрыгает ножками на виселице в

предсмертной конвульсии, а в это время около эшафота стоит пока ещё живая очередь беглецов-предателей с мешками на головах, ожидающих «небесной манны». Автор словами своего стеснительного героя подчёркивает, что через мешковину им, конечно же, хорошо виден процесс отделения грязной души от тела, испачканного грехом предательства.

По письменной просьбе единомышленников (протокол № 1) оба произведения автор послал в Нобелевский комитет с сопроводительной запиской, в которой заявил, что он заведомо отказывается от премии, ибо не желает пачкать руки и душу о доллары, полученные на крови миллионов невинных людей, уничтоженных динамитом, изобретённым Альфредом Нобелем, и что премии политизированный комитет присуждает деятелям, отдающим приказы бомбить тем же динамитом мирных людей в государствах, не имеющих ни динамита, ни хлеба. «Я не желаю, — подчеркнул автор в записке, — быть вписанным в историю рядом с именем американского президента-убийцы, удостоенного премии мира за бомбёжки неугодных государств, грабёж их природных богатств, а также числиться рядом с творческим уродом и уродицей, получившими нобелевскую премию за грязь, вылитую на своё правительство, народ и историю Отечества».

С раннего утра Иван Феоктистович был в приподнятом настроении. Вчера поздним вечером двое однокурсников напомнили ему о традиционной встрече выпускников КПИ 1968 года. Однокурсников в живых осталось всего трое: Феоктистович и двое Петровичей. Созвонившись, решили собраться в грядущее воскресенье, но не в кафе, как всегда, а дома у Петровича — лидера факультета. Феоктистович тщательно готовился к задушевной встрече. В коробку из-под медикаментов аккуратно поставил бутылки с вином и коньяком собственного изготовления, перегородил ряды бутылок от сотрясения тетрадями со своими произведениями, приготовил смартфон, гитару и стал листать альбомы, с тем чтобы взять на встречу кое-какие фотографии. Он долго смотрел на снимок, сделанный в январе 2006 года, запечатлевший восстанавливаемую бревенчатую церковь Петровских времён в Ленинградской области, и, листая альбом, бубнил:

— На этом Медный всадник, на этом Эрмитаж, Фавн, раздевающий Флору, а на этом — ряды... Ряды, — строго произнёс он. — Ряды сомнительных нищих, сидящих почти от Невского до входа в Казанский собор на крепком крещенском морозе... — На этом снимке — объёмные нержавеющие баки с крещенской водой внутри прекрасного собора, — ещё строже произнёс Феоктистович.

У Ивана Феоктистовича возникла необходимость что-то записать по поводу огромных баков, портящих вид, дух и суть величия Казанского собора, но ни блокнота, ни тетради под рукой не было. Листки, лежавшие на столе в изобилии, были исписаны. На одном всё же нашлось немного места. Он стал читать давнюю писанину, чтобы определить ценность записи, но даже при тщательном разборе расшифровать написанное не удалось. На обратной стороне листка (счёт магазина «Хозтовары») было написано: «Люди страдали и гибли от повальных эпидемий: чумы, холеры, нищеты... сегодня к ним открыто добавились: Эбола, Обама и множество скрытых, но очень губительных инфекций, разработанных в лабораториях по заказам и финансированию Пентагона».

Исписанные бумажки автор время от времени сортировал и большую часть употреблял при розжиге мангала. Каждый раз, глядя на пламя, Феоктистович вспоминал о сожжённых тетрадях с юношескими стихами и прозой... Тогда, бросив их в огонь, он торжественно произнёс: «Пусть во мне всё это ещё и ещё перебродит, наберёт крепость и силу, а всякая муть осядет, тогда эти же мысли я преподнесу человечеству в ёмком совершенстве».

В юности за Иваном Феоктистовичем, тогда просто Ваней — моим одноклассником, держалась кличка «Писатель». В 8-м классе у него видели рукопись, которую прочла отличница Вера Т. Она как-то при всех сказала: «Очень остро пишет Ваня, как настоящий писатель». Воодушевлённый похвалой, Ваня и, сразу после этого, «Писатель» сочинил острую патриотическую статью к Дню Советской Армии и отнёс её в редакцию местной газеты. На следующий день после уроков мы с Ваней зашли в редакцию. Писатель решил дополнить свою статью важными подробностями. Пожилая женщина внимательно посмотрела на Ваню и сказала:

— Молодой человек, Будённый был кавалеристом, а не танкистом... Минин и Пожарский подняли народ, а не полки и руководили не армией, а ополчением.

В этот момент по коридору, прихрамывая, проходил военный с твёрдой поступью значимого человека.

— Василий Афанасиевич, — обратилась к нему женщина, — вы спрашивали, в какой школе учится Перочинников. Он перед вами. Спросите его сами.

— Так вы, оказывается, взрослый неуч, — удивился значимый человек и снизу вверх сурово оглядел Писателя. Ваня был на голову выше значимого человека — редактора газеты.

— Перочинников Иван Феоктистович, — снизу вверх строго заговорил редактор, — я посещу школу, в которой вы учитесь, и попрошу, чтобы вас перевели в начальные классы, а сейчас я имею острое желание выпороть вас вот этим ремнём офицера.

Редактор был одет в парадную военную форму.

— Я не позволю издеваться над Красной Армией, — повысил голос редактор и перешёл на крик.

Но Ваня уже знал, что некоторые служивые, кто командовал когда-то хотя бы взводом, продолжают командовать везде: на собраниях, работе, на улице, дома. С командирами он уже имел шумное знакомство. Женщина и редактор вошли в кабинет, а Ваня пожал плечами и, увидев меня, махнул рукой.

— Сволочи, — буркнул он в закрытую дверь.

По дороге домой я спросил его, что означает это слово.

— Не знаю, — отрезал Ваня. — Слышал от деда, когда он собирался идти платить налоги. Учимся, учимся, — с жаром продолжал Ваня, — а русской речью толком не владеем. Дедушка мой, к примеру, с адыгейцами на адыгейском калякает, с армянами на армянском, а прадед так тот немецкие стихи наизусть читал. А я что? Прав редактор — взрослый неуч... — Сапожник, что квартирует у деда в сарае, читал мне стихи и пел вполголоса песни, которых я нигде не слышал. Спросил его, в каком сборнике они напечатаны, и он ответил — в ГУЛАГе. В этом сборнике, говорит, есть всё: и песни, и пляски, и трагедии кровавее шекспировских, и много чего такого, чего нет здесь, на этой улице. Я спросил сапожника, где взять сборник «ГУЛАГ», но вместо ответа он достал из-под лавки свёрток и сунул его мне в руки. В свёртке была книга... «А. С. Пушкин. Сочинения. Том первый», — прочёл я на 3-й странице... Ниже на штампе значилось: в/ч 55884, инв. № 3799, и в самом низу: «Государственное издательство художественной литературы. Москва, 1957 г.».

— Разум и душа поэта в стихах, в сказках, — пояснял сапожник. — В них он жив и будет жить вечно. И не верь россказням учителей о причине гибели гения. Мудрый человек (он сгинул на Колыме), а их там сгинуло видимо-невидимо, рассказал мне, как под дуэль подвела поэта его косоглазая красавица жена. Берегись, Ваня, женского полу. Ты молод, силён, красив, горяч, жаждешь справедливости, но неопытен. Женщины съедят в тебе силу, красоту и жажду... И ещё... Не дай вовлечь себя в шайку, обещающую светлое будущее, не позволь надеть на себя ярмо их несбыточных идей, не стремись в их партию и на службу в карательные органы.

Писательская искра не погасла в Ване после вылитого на неё ушата редакторского крика; она тлела в нём незаметно для окружающих. Время шло... Гудела радостями весна. Гагарин побывал в космосе. Море цветов усиливало народное ликование. Вчерашние девочки-одноклассницы приподнялись на каблучках и стали девушками. Ваня и я были моложе их. Мы начали учёбу в шесть лет и одноклассницам были не ровня...

Сегодня Писатель смотрелся грустным, задумчивым и дерзким. Вчера подвёл волейбольную команду — пропустил игру, а сегодня ушёл с воскресника, уселся за забором ДК и слушал жужжание пчёл, листая учебник физики. Из ДК послышались звуки духового инструмента; кто-то фальшиво играл на трубе. В дыру забора просунулись две знакомые рожицы с папиросами в зубах.

— Тебя зовёт Максимыч... Жмурик есть, а трубач один. Пойдёшь?

— Нет. Я Максимычу объяснил, и он знает почему.

Шестиклассником Ваня записался в духовой оркестр. Через год он хорошо читал ноты и играл на трубе во взрослом составе. Ещё через год часто подменял пьяного Максимыча и руководил оркестром на вечерах танцев, праздничных демонстрациях и прочем. Самым тягостным мероприятием для Вани были похороны. Всё его существо сопротивлялось хождению с душераздирающими звуками труб в процессии за гробом. В прошлом году Ваня оставил трубу в покое и отдался волейболу. Музыка продолжала звучать в нём, но чаще и чаще — своя собственная... Глядя в безоблачное небо и слушая жужжание пчёл, он стал напевать «Венгерский танец» Брамса, потом запел своё — медленное. Звуки виолончели он изобразил голосом и, мечтая о чём-то, стал повторять названия музыкальных терминов... «Анданте кантабиле», — певуче произнёс он.

Ваня и я поступили в один институт, жили в общежитии в трёхместной 20-й комнате, и все трое, краснея, уже делали комплименты девушкам. За луноликой блондинкой Женечкой Цыплаковской пытались ухаживать сразу четверо претендентов, и многие думали, что счастливчиком будет Эдик Пиотрович из нашей 20-й комнаты, которого мы с Ваней прозвали «Питрович», но Женечка предпочла Ваню. Ваня был строен и с жаром декламировал стихи. Старшекурсники, кто уже влюблялся и испытал это умопомрачение, с пониманием заметили все его признаки у Вани, первый из которых — писание стихов. Около двух недель их видели вместе, потом стало ясно — расстались.

— Представляете, девочки, — рассказывала страдалица, — написал мне стихотворение, а в нём любит не меня, а какую-то чернокожую, какое-то страшилище... Прославляет её на все лады вместе с Кубинской революцией. Я не расистка какая-нибудь, но я не люблю туфли из чёрной кожи. То ли дело розовые... но а белые, беллые...

Женечка закатила глаза.

— В белых идёшь — танцуешь, душа поёт, поэзия звучит, а он... Скажу вам, девочки, в нём росту полтора Ивана, а ума как у кошки... сами понимаете чего. Его друг Питрович от полтора Ивана далеко не ушёл, — сетовала Женечка. — В субботу пошла с Питровичем, с этим, значит, Эдиком, в парк. Сидим на лавочке. Заиграл оркестр со скрипками из музучилища. Он вскочил, кружится волчком и, глядя на мои красивые ножки, говорит: «Какое чудо! Глинка, Глинка! „Вальс-фантазия“...» Я посмотрела на свои красивые ножки и вижу, что к каблуку босоножка прилипла не глина, а другое. Нет, говорю, это прилипло что-то собачье. Надо запретить гулять в парке с псами. Если б вы видели, как смотрел на меня Питрович, ну этот Эдик. Точно баран на новые ворота. Все эти три товарища из 20-й комнаты: полтора Ивана и оба Питровича — деревенщины и тупые как сибирские валенки.

Дверь в комнату трёх товарищей была приоткрыта, и я (второй Питрович) хорошо слышал и «деревенщину», и «сибирские валенки», но выйти не мог. За дверью стояла кастелянша Варвара Степановна и, слегка картавя, говорила:

— Да, очень патриотический у нас Ваня и, скажу, бестолково языкатый. Похож языком на моего дядю, что был парторгом в своё время и ратовал за мировую революцию. Язык его и подвёл. Нехорошее слово сгоряча сказанул, так он за это слово в 37-м, как в воду канул.

Я кое-как протиснулся из комнаты трёх товарищей и спросил Варвару Степановну:

— За одно слово? Что же это за слово такое?

Рассказ Варвары Степановны (из новеллы № 11)

Шёл мой дядя поздним вечером с партсобрания. Темно, грязища непролазная, а тут ещё на собрании какой-то умник прочитал новый список негодяев, которых ночью забрали воронком как врагов народа. Недоволен был дядя. Я сама слышала (мне тогда уже десять лет было), что он сказал про те забирания: «Надо же, верных ленинцев гребут. Что же это дальше-то будет? С кем мировую революцию довершать будем, с предателями?»

Так вот. Идёт дядя по-над заборчиком, а сам за заборчик держится, чтоб не упасть в колею с жижей, а прямо у заборчика ещё днём поставили телеграфный столб — почтальонше телефон провели. Утром шёл на работу — столба не было, а тут на тебе — столб, да ещё и в кромешной тьме. Дядя поскользнулся и головою об столб. «Фу ты, — говорит, — твёрдый как у Сталина лоб». А за забором, во тьме непроглядной, на соломенной куче притаились участковый с почтальоншей... Женатые распутники в распутицу любовь крутили. А ей же по столбу телефон проведён... Думали, сгинул дядя, — продолжала Варвара Степановна, — ан нет, в 54-м объявился. Еле признали, кто такой, еле допытались. Молчуном сделался, крепким орешком сказался. Болтуны — они живучи, им всё нипочём. У дяди, видимо, нервы колымскими морозами закалились... Законной жене на то, что она уже шестнадцать лет прожила с другим мужиком и у них четверо детей, ничего не сказал. Молча похлебал борща и пошёл к начальству доказывать правоту. Требовал вернуть партбилет.

Эдик, услышав от меня «деревенщину и валенки», улыбнулся, а Ваня покраснел и строго сказал:

— Напишу юмореску и в ней покажу, кто на самом деле деревенщина, а кто интеллектуал, и прочту нашему модному «Цыплёнку» стихотворение. Пусть узнает, что думает о чёрной коже бирманский поэт Маун Сван Йи.

Ваня глубоко вдохнул и прочёл:

— «Человек светлокожий!
Люди — это всегда люди,
С чего ты взял, что ты выше других?
Человек светлокожий, пойми:
Чёрный человек и белый человек — оба люди.
С чего ты взял, что один — господин, а другой раб?
Какой новый бог внушил тебе это?»

— И ещё о Кубинской революции, — гордо подняв голову, произнёс Ваня.

— «На несметных своих плантациях
Кубинцы сеют тростник.
С грузовика у дороги
Янки их стерегут.

С несметных своих плантаций
Снимают тростник кубинцы.
С грузовика у дороги
Янки их сторожит.
Сок нагревают кубинцы,
Продают свой сахар кубинцы,
Выручают деньги кубинцы —
Янки всё забирают.
На несметных своих плантациях
Вооружились кубинцы.
С нового острова Куба
Янки бегом удирают.
Тростник государства Кубы
Растят и едят кубинцы.
Кубинские миллионы —
Собственность только Кубы».

В Ване возжёгся писательский огонёк. Искра, тлевшая долгое время, сделала своё дело. Огонёк привёл Ваню в Краевую центральную библиотеку. Он стал засиживаться в читальном зале и однажды даже опоздал на тренировку в волейбольную секцию. Шло активное самообразование, и, видимо, под влиянием весеннего солнца, цветущей сирени и тому подобного, у Вани как из рога изобилия посыпались стихи. В читальном зале, склонившись над блокнотом, он подыскивал рифму к слову «туман» и не заметил, как к нему подошла женщина-библиотекарь и попросила отнести в подсобное помещение перевязанные стопы газет и журналов. Молодая работница удивилась Ваниной ловкости при укладке стоп на стеллаж и в знак благодарности хотела изобразить ему воздушный поцелуй, но в тесноте потеряла равновесие, и её пухлые губки попали Ване в нос и коснулись губ. Женщина рассмеялась и спросила Ваню: «Что вы любите читать? Я подберу вам книги...» — на что Ваня, сосредоточившись, ответил:

— Целоваться в потаённых местах замужней женщине с незнакомым мужчиной — безнравственно. Я видел у вас дочь... Ей, наверное, лет восемь, девять... А вы...

Он запнулся.

— Я не замужняя и не была замужем... Я, можно сказать, невеста, — весело и просто, опираясь в тесноте на стеллаж, объясняла молодая работница библиотеки рослому посетителю щепетильную тему. — Влюбилась, а любовь совершает чудеса. Ей всё подвластно. Она правит миром, любовью движутся звёзды, пишутся стихи — и вот какие.

Кто может сердцу приказать?
Ждать объяснений тут напрасно.
Уж видно, так устроен свет,
Что для любви законов нет,
Она случайности подвластна.
Любовь — не вещь, не состоянье,
Что дарят иль пускают в рост.
Покорно лишь веленью звёзд
Двух любящих сердец слиянье.

— Это сказал великий Лопе, Лопе де Вега, — добавила она и, поправляя волосы рукой, другую подала Ване. — Вика, Виктория Павловна.

— Иван Феоктистович Перочинников, — глухо ответил Ваня, пожимая руку.

В общежитии старшекурсники расхваливали роман Э. М. Ремарка «Три товарища».

— Это не про наших трёх товарищей, что из 20-й комнаты, — болтал худосочный стиляга Вася Камулькин. — Наши — непьющие, а у Ремарка пьют и бабы, и мужики, и молодь, не стесняясь, хлещет коньяк и ром, кальвадос и кюммель.

После лекций, натощак, Ваня поспешил в библиотеку и на абонементе спросил «Три товарища».

— На руках, — ответила женщина, глядя на Ваню поверх очков.

— Будьте добры, пригласите, пожалуйста, Викторию Павловну...

— Её сегодня нет.

— А когда она будет?

— Когда окончатся соревнования.

К Ване подошла женщина-библиотекарь из читального зала и тихонько спросила:

— Вы Иван Феоктистович Перочинников?

— Да, я, — строго ответил Ваня.

— Виктория Павловна оставила вам записку и книги. За «Три товарища» и «На западном фронте без перемен» распишитесь на абонементе, а сборник Ахматовой — её собственный, — спокойно объяснила женщина.

Ваня прочёл записку.

«Иван Ф.. (зачёркнуто). Ваня, прошу тебя прийти завтра (в среду... подчёркнуто) в библиотеку к 17 часам. У меня к тебе есть личная просьба. Пожалуйста. Целу... (зачёркнуто)».

Ваня завернул книги в чистую футболку, положил в рюкзак и пошёл на тренировку. От зачёркнутого «целу...» он ускорил шаг, а переходя трамвайные пути у стадиона «Динамо», побежал и остановился только в раздевалке.

Приняв душ после тренировки, он уселся на скамейку недалеко от входа в спортзал и в группе спешащих девушек в спортивной форме увидел Викторию Павловну.

— Вика! — неожиданно для себя назвал он её без отчества. — Вы здесь, здесь...

— Ваня, так мы, оказывается, с тобой волейболисты! Только что видела тебя на тренировке. Смотрели с девочками, как вы, мальчики, работаете. Сейчас у меня, Ванечка, ответственная игра... Извини, спешим... Кстати, посмотри, какая у нас красивая форма.

Вика провальсировала перед Ваней.

—ЗИП позаботился... Я оставила записку, — шепнула она, — приходи обязательно, у меня к тебе есть просьба.

К Ване подошёл тренер женской команды и хлопнул Ваню по плечу:

— Видел тебя на тренировке, молодец.

Вику увлекли девушки, а Ваню в глубине души клюнул поэтический петух. «Она случайности подвластна», — прокукарекал он. Онемевший смотрел Ваня вслед стройной Вике, покорившей его грацией и простотой. Вика оглянулась, помахала рукой, и целый табун крылатых коней поскакал за ней из Ваниной души. «Она случайности подвластна», — просвистел вслед коням поэтический соловей.

В среду, в половине пятого, Ваня сидел в читальном зале и просматривал записи в потёртом блокноте. Он не обратил внимания на то, что женщина, вручившая ему накануне записку, время от времени, вздыхая, поглядывала на него. В её памяти драма сменялась комедией, комедия трагедией, менялась декорация и действующие лица. «Ушла из театра из-за тщеславного подонка, — шептала она, прикрыв ладонью рот, — потом к другому творческому негодяю...

А ведь был человек простой, порядочный, великодушный», — шептала она, глядя на Ваню. «Молодой человек похож на мою первую любовь...» Она вздохнула и прочла про себя:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.